

Ему было всего тринадцать лет, он был весьма смышлен и обладал редкой проницательностью: не стал навязываться, а крикнул издалека:

— Брат Е, я знаю, что ты затеял строительство, и помог тебе отвести глаза тем людям.

— Ладно, иди ешь, — Цзян Байе, видя, как тот притворно отказывается, со смехом затащил его к столу. — Чего ты со мной церемонишься? Ты ведь не такой, как они, иначе разве стал бы я поручать тебе самую легкую работу?

Сяо Саньцзы довольно хмыкнул, почесал затылок и, смущенно присев, принялся за еду, да так, что о всяких церемониях забыл напрочь.

Цзян Дачжу с супругой ели так, будто до этого голодали неделями: они хватали куски один за другим, и если Сяо Саньцзы чуть замешкается, то ему не достанется даже листика зелени. К счастью, брат Е пожалел его и сам положил ему в миску порцию мяса, отчего у паренька едва не защипало в глазах.

Настоящее имя Сяо Саньцзы — Ли У, он, как и Ли Эрню, был из соседней Деревни Ли. И сблизился с Цзян Байе он вовсе не из любви к хулиганским выходкам.

Все дело было в его отце — никчемном человеке, примаке, который, женившись во второй раз, прибрал к рукам всё имущество, оставленное покойной матерью Ли У и его сестры. Он еще и грозился передать всё наследство своему родному сыну — тому самому брату, рожденному от мачехи.

Отец не только ни гроша не давал им, но и целыми днями избивал и заставлял работать на износ. Сяо Саньцзы — парень крепкий, удары стерпел бы, но видеть, как восьмилетняя сестренка чахнет и чуть не умирает от побоев, он не мог. В отчаянии он обратился к Цзян Байе.

Он подумал: если стать грозным хулиганом, может, отец побоится трогать их? И, как ни странно, это сработало. Цзян Байе без лишних слов согласился, привел людей к ним домой, припугнул — и отец с тех пор больше не смел распускать руки.

Сяо Саньцзы, пользуясь силой своего заступника, сумел приструнить отца. По крайней мере, тот перестал бить их и даже начал давать хоть какую-то еду. Правда, это были лишь объедки, но Сяо Саньцзы не решался устраивать скандал: боялся испортить репутацию семьи, ведь если дурная слава разойдется, кто потом возьмет его сестру в жены?

Сяо Саньцзы не мог стать настоящим злодеем и чувствовал, что многим обязан брату Е. Кто бы мог подумать, что этот брат Е вдруг так резко изменится и решит начать праведную жизнь.

Если вдуматься, а делал ли брат Е что-то по-настоящему плохое? Почему же тогда у него такая скверная репутация? Сяо Саньцзы, уткнувшись в миску с белым рисом, озадаченно размышлял

об этом, поглощая еду огромными ложками.

Тем временем Цзян Дачжу, покрасневшись от сытной еды, отложил миску и сказал:

— Чансуй, впредь не утруждайся, всё буду делать я! Строительство, полевые работы — я справлюсь один. Ты только готовь, это же невероятно вкусно!

— И правда, и правда! Я никогда в жизни не ел ничего подобного. Даже на банкетах у богачей всё было хуже, чем эти блюда! Брат Е, это ты приготовил? — Сяо Саныцзы смотрел на него с нескрываемым изумлением.

Госпожа Хэ светилась от гордости:

— А как же! Наш Чансуй просто не хотел этим заниматься, а так — разве есть что-то, чего он не умеет? Приготовил впервые, а вышло лучше, чем у поваров в лучших ресторанах!

Цзян Байе лишь хмыкнул:

— Возможно, дело в том, что я не пожалел приправ.

— Ну да, а твоя тетушка столько лет у плиты стоит, а готовит — хуже некуда, — для родителей Цзян Байе был лучше всех на свете, никто и сравниться не мог!

А Лу Личжи, долго колеблясь, наконец не выдержал и взял палочки. Стоило ему переступить через этот барьер и сделать первый глоток, как остановиться он уже не смог.

Лу Личжи подумал, что, должно быть, просто обезумел от голода, раз не отказался от пищи чужака, который, возможно, принадлежит к враждебной стороне. С этой мыслью он сделал еще глоток соблазнительного куриного супа и замер, чувствуя, как холод в его душе на мгновение отступил.

Еще глоточек...

К полудню Цзян Дачжу работал с невероятным усердием: рубил балки, колол бамбук, не останавливаясь ни на минуту, лишь бы Цзян Байе меньше трудился и у него оставались силы на готовку.

Что касается госпожи Хэ, она не только помогала мужу по дому, но и в свободное время осваивала заброшенный участок позади дома, делая компост из прелых листьев, собранных под деревьями.

Затем она приносила из леса питательную черную землю, смешивала её с илом из реки, а Чансуй научил её посыпать всё это сверху древесной золой — как только грядки будут готовы, можно сеять семена.

Госпожа Хэ была полна обиды на Старика Цзян за то, что он подсунул им этот самый жалкий и бедный кусок земли, да еще и сделал вид, будто проявляет доброту. Но теперь, когда вся семья двигалась в одном направлении, стараясь обустроить жизнь, она чувствовала себя гораздо лучше, чем когда жила в семье старого Цзяна и ежедневно надрывалась на работе, не слыша ни слова благодарности, а лишь терпя упреки.

Цзян Байе с корзиной остатков еды поднялся на гору и, как и ожидал, увидел группу бездельников, которые уклонялись от работы и болтали попусту.

Он сдернул мешковину, накрывавшую корзину, и мужчины, мгновенно позабыв обо всех вопросах и раздражении, набросились на еду. Они ели жадно, наперебой хваля вкус — до того оголодали.

Цзян Байе усмехнулся про себя: ешьте, ешьте, как еще у вас появятся силы работать?

К тому же, ему нужно было как можно дольше удерживать их при себе. Сейчас разгар сельскохозяйственных работ, и, кроме этой шайки бездельников, которые вечно ищут приключений на свою голову, найти кого-то на помощь по строительству было попросту негде.

Наевшись досыта, вся группа, сама того не заметив, вновь поддалась на уговоры Цзян Байе. Раньше они водили его за нос, а теперь всё вышло с точностью до наоборот, и они даже не догадывались об этом.

Сначала жители Деревни Циншуй, видя, как эта орава хулиганов разгуливает повсюду, нервно вздрагивали и не могли найти себе покоя. Но когда кто-то из них отправился на гору за травой для свиней, то увидел, что банда вовсю трудится на склоне: копают землю, носят её, пыhtят и отдуваются. Те, кто прежде палец о палец не ударил, работали не покладая рук, ноги у них дрожали от усталости — выглядело это настолько невероятно, будто чертовщина какая-то.

Перепуганный свидетель что есть духу помчался вниз, подняв шум. Даже Староста Ван всполошился, решив, что они затеяли какое-то грязное дело.

К счастью, Цзян Байе всё предвидел и специально зашел к нему заранее, чтобы объясниться.

Староста Ван пришел в полный восторг:

— Ты правда сможешь наставить их на путь истинный!? Это же огромное благо для всей округи!

— Не скажу, что на путь истинный, но, по крайней мере, у них не будет времени на пакости.

Староста Ван рассмеялся и принялся похлопывать его по спине:

— Молодец! Дядя знал, что не ошибся в тебе. Ты человек смелый, просто раньше не туда

свои таланты направлял. Будешь впредь жить по совести — глядишь, еще добьешься успеха!

<http://bllate.org/book/26844/3227608>